

ТЕДАрмения

1.

В Армению мы летели с запиской, в которую были вложены 5000 драм с указанием: это на такси, чтобы не менять деньги в аэропорту – там курс невыгодный.

Записка содержала подробную схему проезда и адрес, который заканчивался так: 4-ый этаж, синяя дверь, над которой прибиты две подковы.

Далее шла приписка: «Профессор, неужели вы верите в то, что подковы приносят счастье? – Конечно, нет, но я слышал, что они приносят счастье и тем, кто в это не верит».

Эту записку от Теодора Михайловича нам передали заранее, ещё в Москве. Но перед отлётом он позвонил и заявил, что сам будет встречать нас в аэропорту.

– Вы меня узнаете, – сказал он, – я там буду один в таком возрасте. Но на всякий случай буду держать в руке газету, свёрнутую трубочкой.

Такой возраст – это 91 год. И хотя мы знали, что Теодор Михайлович бодр и полон энтузиазма показать нам Армению, но всё же возраст настораживал. Я пытался его отговорить: сами доберёмся, да и самолёт прилетает поздно вечером. Отговорить не удалось.

Он вообще оказался человеком несговорчивым, когда дело касалось его возраста. После нескольких попыток помочь ему нести сумки с рынка, он отругал мою жену, Кадрию: «Я, конечно, понимаю, что я глубокий старик, – заявил он, – но зачем же каждый раз напоминать мне об этом».

После этого Кадрия старалась протирать пол на кухне, когда Теодор Михайлович не мог этого заметить. Но он всё равно замечал. «Я так совсем обленюсь, – говорил он, – вот вы уедете, и мне опять всё нужно будет самому делать». Туалет Кадрия вымыла уже совсем тайком, рано поутру.

«Вот ведь упрямый, – говорила Кадрия, – но я так тоже не могу. Даже мне тяжело подниматься без лифта на четвёртый этаж». Дом в центре Еревана был ещё сталинской постройки, потолки три с половиной метра, значит, четвёртый этаж – это где-то шестой этаж обычного дома.

В комнате на книжной полке стоит чёрная статуэтка ослика. «Я родом из Нагорного Карабаха, – говорит Теодор Михайлович, – а нас, карабахцев, называют ослами, потому что мы отличаемся от других армян своим упрямством».

Кадрия уходит курить на балкон, а я остаюсь на кухне, чтобы не спорить с Теодором Михайловичем. «Зачем вы всё время на балкон ходите? – говорит он. – У меня все гости курят, где хотят. Только бычки на ночь не оставляйте, а то пахнут плохо».

С балкона открывается вид на двор, окружённый 4-х и 5-этажными домами. А дальше, на холме, монумент 50-летия Советской Армении и поднимающаяся к нему лестница – каскад. Правда, недостроенный.

На этом балконе Теодор Михайлович соорудил специальное разборное сооружение для приготовления шашлыков и хаша. Но дым через разбитые окна проникал на лестничную площадку, и соседка пришла узнать: не пожар ли? Теодор Михайлович отправился в магазин за стёклами и какой-то железной палкой для своего сооружения. Палка была длинная и таксист отказался везти. Пришлось Теодору Михайловичу полчаса идти пешком и нести стёкла и палку. А потом ещё стеклить окна подъезда. И, конечно, всё это он сделал тогда, когда мы были в отъезде. «Я сегодня немного устал», – заявил он, когда мы вернулись. И рассказал эту историю. На следующее утро стёкла оказались вынуты и аккуратно сложены в пакет около его двери, потому что соседи с помощью открытой двери и разбитых окон проветривают свою квартиру в жару.

2.

На следующий день после приезда Теодор Михайлович повёл нас показывать Ереван. Оперу, монумент Мать-Армения с прилегающим парком, каскад, мост через Раздан, памятник жертвам геноцида армян и площадь Республики.

С холма, на котором стоит Мать-Армения, открывался вид на Ереван и Арарат, будто парящий над городом.

А вечером мы поехали смотреть Аванский храм. Поехали на такси, не дождавшись автобуса и уговорив Теодора Михайловича. И правильно сделали, потому что найти этот полуразрушенный храм оказалось непросто. Он расположен в северной части исторического поселка Аван, теперь это окраина Еревана. Храм построен в 6-ом веке как кафедральный собор. В то время Армения утратила свою государственность и была поделена между Византией и Персией. Под давлением Византии армянской церкви, вслед за грузинской, пришлось отказаться от монофизитства и принять двойственную (божественную и человеческую) природу Иисуса Христа. Грузины так и остались диофизитами, а армяне через сто лет, когда давление Византии ослабло, вернулись к исконной монофизитской вере. Аванский храм, как предполагается, был разрушен во время землетрясения 1679 года.

Теодор Михайлович прочитал нам целую лекцию по архитектуре крестово-купольных храмов, и, в частности, Аванского храма. А мы бродили по траве, проросшей между камнями пола, и смотрели, как лучи солнца летят над древними стенами.

3.

Если вы думаете, что пешая прогулка по городу – предел физических возможностей Теодора Михайловича, то вы глубоко заблуждаетесь. На следующий день мы отправились в Гарнийское ущелье. На автобусе доехали до посёлка Гохт, спустились вниз и пошли по правому берегу реки Гохт. Один рюкзак Теодор Михайлович великодушно разрешил нести мне, а другой нёс сам. Кадрие, как она не возмущалась, пришлось идти налегке.

На привале Теодор Михайлович извлёк из своего рюкзака спиртовку и приготовил чай. Когда мы прошли уже около 10 километров, он сказал: «А вот сейчас вы увидите то, что ещё никогда не видели». Базальтовые склоны гор казались искусственными сооружениями. Они состояли из правильных шестиугольных призм, которые то вырастали из земли, будто столбики римских бань, то свисали сверху будто органные трубы. Это место получило название «симфония камней».

Мы остановились у края клубящегося потока воды, за которым поднималась стена из шестиугольных призм. Теодор Михайлович снова готовил чай. А мы с Кадриёй прогулялись немного вперёд, чтобы увидеть, как вдали на горе, у самого обрыва возвышается храм Гарни. Это древнеармянский языческий храм 1 века н.э., восстановленный в советское время. Крепость Гарни упоминается Тацитом, построил её армянский царь Трдат 1-ый в 76 г.

А потом я сел под высокой скалой и стал мучиться с бумагой, красками, ветром и солнцем. Это мучение называется пленэр. Мне никак не удавалось передать эту самую симфонию камней.

Это меня задело, и я нарисовал не одну, как собирался, а три картины Гарнийского ущелья. Правда, две остальные уже дома, за письменным столом.

Когда я уже заканчивал свой пленэр, к скале подъехали две машины. Из них вышли люди и стали выгружать своё снаряжение. Оказалось – скалолазы из Швейцарии. Это выяснил Теодор Михайлович, бодро заговоривший с ними на английском, которым владеет в совершенстве. Между прочим, Теодор Михайлович и родился-то в Нью-Йорке, потому и имя его американизировалось – Теодор. Да и сейчас его сестра живёт в Америке, а сын – в Канаде. Мы прилетели в Ереван 27-го апреля, а перед этим, 22-го, Теодор Михайлович только вернулся с американского континента.

Пока мы поднимались из ущелья в посёлок Гарни, мы всё время оборачивались и смотрели, как быстро первый скалолаз поднимается по почти отвесной скале.

Наверху, в Гарни, Теодор Михайлович сказал: «Мы поднимались семнадцать минут. Неплохой результат. Я пойду дальше, не торопясь, а вы посмотрите в конце вон того переулочка старый храм». И мы, отдышавшись, пошли смотреть церковь Маштоц Айрапет, построенную из туфа в XII веке.

Потом догнали Теодора Михайловича и отправились к языческому храму, парящему на Гарнийской долиной. Где-то внизу была видна гора с плоской вершиной, к которой по шестиугольным базальтовым призмам взбирался швейцарский скалолаз.

И всё равно мне не нравилось, как эти призмы получаются на моих акварелях. Только на третьей картине Гарнийского ущелья я нашёл нужный приём. Это уже после того, как мы с Кадриёй полюбовались древними орнаментами на керамике и бронзе IV-I тысячелетий до н.э. в историческом музее Еревана. Я, конечно, не пытался воспроизвести эти орнаменты, но они натолкнули меня на идею орнаментировать базальтовые призмы.

4.

Исторический музей и картинную галерею Армении мы посетили на следующий день. Но сначала мы побывали в Эребуни. Это древний город государства Урарту, развалины которого расположены на холме Арин-Берд на окраине современного Еревана. Эребуни был основан царём Урарту Аргишти I в 782 году до н. э. Этот год и считается годом основания Еревана. Мы прошли под высокими крепостными стенами, бродили по закоулкам крепости и любовались открывающимися с холма видами Еревана и парящим Араратом.

5.

– Вы должны увидеть Арарат вблизи, – сказал Теодор Михайлович. – Назавтра я договорился с Арутом, он повезёт вас в Хор Вирап.

Четыре из оставшихся пяти дней мы провели в поездках по Армении с Арутюном. Он работает таксистом, так что катал он нас совершенно официально и по счётчику. «Другие водители мне завидуют, – говорил Арут, – выручка гарантирована и не нужно целый день искать клиентов».

А уж нам-то как было выгодно! Мало того, что по Еревану любая поездка на автобусе – меньше 10 рублей, а на такси – меньше ста рублей, так ещё целый день с Арутом за городом обходилось нам не больше двух тысяч рублей.

Но главная выгода была совсем не в деньгах. В лице Арутюна мы получили первоклассного персонального гида, который, пожалуй, мог даже соперничать с Теодором Михайловичем. Что, впрочем, неудивительно: Арутюну 57 или 58 лет, из которых 30 лет он дружит с Теодором Михайловичем. И вдвоём, и в компаниях они объездили и облазили всю Армению, ходили под рюкзаками, ночевали в палатках на склонах гор.

Монастырь Хор Вирап расположен над подземной тюрьмой, в которой армянский царь Трдат III содержал в заточении в течение 15 лет святого Григория Просветителя до того, как был обращен им в христианство. Это случилось в 301 г., когда Армения первой приняла христианство как государственную религию. А до этого здесь была древняя столица Армении Арташат, построенная в 180 г. до н.э. царём Арташесом I, основателем династии Арташесидов.

С этого места, действительно, открывается удивительный по своей мощи вид на Арарат. «Вон там, справа от вершины, видите как бы обвал, – говорит Арут. – Он образовался в результате землетрясения. Некоторые говорят, что туда провалился Ноев ковчег, так что теперь его вряд ли найдут».

– А ещё, – говорил Теодор Михайлович, – вам нужно обязательно побывать в Нораванке. Это монастырь XIII века в красных скалах.

И мы поехали в Нораванк.

Мы ехали по шоссе в узком ущелье реки Арпа. «Когда-то, – говорил Арут, – здесь шоссе не было, и мы с Теодором Михайловичем ходили пешком до Нораванка. А потом на несколько дней ставили палатку на противоположном

склоне, под тремя ореховыми деревьями. Что-то я никак не могу их увидеть: склон зарос деревьями, а орехи, наверное, засохли. Оттуда мы ходили к монастырю, даже ночью. Тогда его ещё не реставрировали. А теперь Юнеско не хочет включать Норавапк в свой список, потому что построены ресторан и гостиница – якобы на территории монастыря».

Скалы, на фоне которых возвышается Норавапк, действительно, красные. И такие причудливые, что я не удержался и дал волю фантазии в этой акварели. На территории монастыря возвышается двухэтажная церковь Сурб Аствацацин, последний шедевр армянского архитектора, мастера по камню и художника-миниатюриста Момика. На второй этаж с двух сторон от входа ведут узкие лестницы без перил. Но никто с них ещё не падал, и мы тоже забрались наверх, а потом благополучно спустились.

На обратном пути мы остановились в ущелье около заведения, который местный энтузиаст устроил прямо в скале, внутри грота. Его звали Вардгес и, кроме всего прочего, он увлекался птицами – там были выставлены книги о птицах Армении. Арут привёз с собой приготовленные заранее овощи (баклажаны, перцы, помидоры) и мясо для шашлыка. У него даже дрова с собой были, но Вардгес уговорил сделать шашлык в тандыре. Это такой колодец, в котором разводится огонь, а потом на стенках пекут лаваш или, как в нашем случае, жарят овощи и шашлык. Мы с Кадриёй запивали всё это пиршество чудесным вином, которое нам предложил Вардгес. Выпили целый кувшин!

6.

На следующий день мы выехали из Еревана в противоположном, северо-западном, направлении. В городе Аштарак, что значит башня, мы осмотрели церковь VII века Кармравор, что значит красная.

Проехали мимо горы Ара. Так звали армянского царя – Ара гегхецик – что значит Ара прекрасный, в которого влюбилась ассирийская Семирамида. Но Ара отверг её любовь, началась война и царя смертельно ранили. Семирамида хотела его воскресить, но ничего не вышло, и тогда царица пустила слух, что Ара воскрешён, его роль сыграл один из её любовников. Армяне поверили и прекратили боевые действия. А Семирамида покинула Армению, когда ей сказали, что дух Ара взят богами на Кавказские горы и оттуда перенесется в Вавилон.

Современный анекдот трактует название горы попроще: это Арно Бабаджанян лежит, а нос его смотрит в небо.

Потом был монастырь Ованаванк с базиликой V века, руинами церкви первых христиан начала IV века и главной крестово-купольной церковью XIII века.

К монастырю примыкает древнее заброшенное кладбище. На его окраине Арут сказал: «Вот здесь мы отмечали 90-летие Теодора Михайловича в узком кругу. Ещё были его сын Михаил и жена, Римма Ивановна. Вот на этом камне всё приготовляли, а сидели за раскладным столом, который привезли с собой». Римма Ивановна прожила в Ереване больше 30 лет, но потом, в перестроечные годы пришлось уехать в Москву. Сейчас она преподаёт на факультете вычислительной математики и кибернетики Московского университета, доктор наук, профессор. Она была оппонентом на защите моей докторской диссертации. Тогда мы с ней и познакомились поближе, а уже потом они с Теодором Михайловичем пригласили нас в Армению. Это она передала нам записку и 5000 драм от Теодора Михайловича, с которых я начал свой рассказ.

Рядом с Ованаванком – монастырь Сагмосаванк, тоже с церковью XIII века и тоже над глубоким ущельем реки Касах.

Мы поднимались по склонам горы Арагац, четырёхтысячника, четыре вершины которого окружают вулканический кратер. Продвигаясь к Амберду, мы добрались до снегов. «Как-то раз на 9 мая, – рассказывал Арут, – мы с Теодором Михайловичем не смогли здесь проехать. Снег, уже

превратившийся в лёд, лежал двадцатисантиметровым слоем. Пришлось вернуться». На этот раз нам повезло: дорогу расчистили и снеговые сугробы лежали только на обочине.

А вот и Амберд. Замок VII века и церковь XI века. Высота 2300 метров. Впервые замок в XI веке захватили турки сельджуки, а в XIII веке он был окончательно разрушен монголами. Но кое-что всё-таки осталось: высокие стены и башня. И то, что нельзя разрушить обычными методами: потрясающей красоты пейзаж и ковры голубых цветов на склонах попеременно с остатками снега.

Из Амберда мы спустились вниз мимо Бюракана. В садике придорожного ресторана, в беседке пообедали кебабом с овощами и пивом. В этот день у нас были ещё две церкви VII века: в Талине и в Мастаре.

В Талине Арут разговорился с проходившими мимо женщинами. Они, наверное, спрашивали, откуда мы. И рассказали, что вчера приезжали туристы из Франции и хотели переночевать в машине. Разве это дело? Мы, сказали женщины, взяли их к себе домой. Хорошие люди оказались.

7.

3 мая мы поехали на озеро Севан. Монастырь Севанаванк основан в 874 году принцессой Мариам. Он расположен на острове, но после того как воды Севана опустились, остров превратился в полуостров. Из Севана вытекает одна река – Раздан, который ниже пересекает Ереван и впадает в Аракс, по которому проходят границы Армении и Азербайджана с Турцией и Ираном, Аракс впадает в Куру, а Кура, как известно, впадает в Каспийской море.

У истоков Раздана расположен город Севан, основанный в XIX веке русскими переселенцами-молоканами.

Потом мы поехали дальше, но не по старой дороге, которая уходит в горы к молоканской деревне Семёновка, а через туннель. Дальше через Дилижан – к монастырю Гошаванк.

Этот монастырь основал в XII веке Мхитар Гош – армянский мыслитель, литературный и общественный деятель, богослов и священник. Диапазон его сочинений весьма широк: от «Судебника» (что-то вроде уголовного кодекса), который использовался несколько столетий как в Армении, так и в армянских колониях по всему миру, до сборника басен, впервые изданного в 1790-м году в Венеции. По его имени названо и селение Гош, в котором находится монастырь.

– В Гошаванке, – напутствовал нас Теодор Михайлович, – вы должны обязательно увидеть хачкар работы Погоса. Хачкары – это такие каменные стелы с резными изображениями креста и разнообразных символов и орнаментов. В 2010 году искусство создания хачкаров внесено в список Юнеско культурного наследия человечества. Хачкар Погоса в Гошаванке создан в 1291 году и признан лучшим армянским хачкаром. Это его рисунок я использовал здесь как фон.

После Гошаванка мы поехали в лесистую долину речки Агарцин. Но до монастыря Агарцин не доехали. «Я туда не поеду, – заявил Арут, – Я там был, там было очень красиво. Но теперь там сделали такую реставрацию, что смотреть не хочу. Всё исчезло».

В долине Агарцин оборудовано много стоянок для пикников. В пятницу почти все они ещё пустовали.

Мы выбрали стоянку и Арут стал колдовать над своей «керосинкой», точнее газовым баллоном с горелкой. Ещё дома он приготовил овощи, картошку с селёдкой и, самое главное, хашламу. Её-то он и разогревал на горелке. Хашлама – не путать с хашем – горячим холодцом – это такое блюдо из баранины и овощей. «Это делается без капли воды», – говорит Арут. А потом наполняет наши тарелки и наливает по чашке соуса из той же кастрюли. Откуда соус, если воды не было? Это загадка.

Но вкусно необыкновенно. И это самое опасное, потому что не удержавшись и съев лишнюю порцию, мне пришлось минут сорок прогуливаться, чтобы хоть как-то придти в себя от обжорства.

Вообще Арут оказался замечательным кулинаром. «Всё, что Арут делает, – это правильно, – говорит Теодор Михайлович. – Вот только кюфту я размешиваю ложкой, а не руками. Ну, неудобно руками – мясо прилипает».

Что такое кюфта? Сначала мы пошли на рынок и Теодор Михайлович купил отбитое мясо. Не провёрнутое в мясорубке, а именно отбитое до полного суфле. Потом уже дома он туда что-то добавлял, размешивал и взбивал до воздушности. «Я вам, Игорь Борисович, доверяю немного помешать и повзбивать», – сказал он. Я размешиваю и взбиваю. Потом из этого суфле делаются круглые шарики и опускаются в тёплую воду. Шарики распухают и становятся огромными. Когда сварятся, их нужно сразу съесть, пока они не опали. Очень вкусно. «Ага, вкусно, – говорит Арут, – только размешивать и взбивать нужно руками, а не ложкой. Я Теодору Михайловичу много раз говорил, только он по-своему делает. А так вкусно, конечно. Если ты настоящей кюфты не пробовал».

Там же, в долине Агарцин мы купили ишхан. Это князь-рыба – золотая севанская форель. Сначала её не хотели продавать: хозяин решил поставлять рыбу только оптом. Но Аруту, конечно же, удалось с хозяином договориться. Форель при нас выловили, и Арут её тут же почистил. Эту форель мы привезли в Москву, приготовили с картошкой по рецепту Теодора Михайловича и немедленно созвали гостей: на форель, чурчхеллу и армянский коньяк.

8.

Следующий после Агарцина день мы отдыхали, то есть никуда не ездили. Ходили на вернисаж – это ереванский рынок картин, предметов искусства, ремёсел и антиквариата. Глаза наши разбежались в разные стороны. Только огромным усилием воли нам удалось купить только то, что мы собирались, ну почти только это... А потом мы почли за благо побыстрее удалиться. Нас смущала не столько трата денег, сколько возможный перевес багажа при авиаперелёте.

Потом был Матенадаран – хранилище древних рукописей, который нам удалось осмотреть всего за полтора часа. И то только потому, что Кадрия забыла дома очки.

И наконец к вечеру Теодор Михайлович готовил нам царь-рыбу – стерлядь. Нам даже удалось поучаствовать не только в её поедании, но и в приготовлении: Кадрия намазывала рыбу сметаной, а я помогал разжечь духовку, в которой что-то стопорилось.

Вообще, Кадрия очень любит готовить, но тут она не на того напала, в смысле на Теодора Михайловича. Он всё делал сам. Только один раз ей всё же удалось приготовить воздушный омлет. На следующее утро Теодор Михайлович даже попросил её руководства, чтобы приготовить такой омлет самому.

А вечером я всё же решил устроить небольшую фотосессию в квартире Теодора Михайловича. Квартира эта полна старинной мебели, редких предметов и книг. Буфет начала прошлого века считается молодым, а вот шкаф начала 18-го века впечатляет. Из предметов я уже говорил про карабахского ослика. Другой предмет – кусок старинной стены или капители колонны. «А это я приобрёл на вернисаже, по случаю», – говорит Теодор Михайлович.

«От нескольких полок с книгами мне всё же удалось избавиться», – говорит Теодор Михайлович. Но осталось ещё много. Вот Теодор Михайлович показывает мне две книжки Булата Окуджава с дарственными надписями: «Теду с любовью. Б. Окуджава» и «Дорогому Теду с давней любовью. Булат. 25 марта 85-го года».

Почему «с давней»? Да потому что они знакомы с 38-го года.

Первая книжка называется «Посвящается вам». «Булка, – говорит Теодор Михайлович, — мы его звали Булкой – принёс мне ворох рукописей и попросил помочь составить книжку. Я ещё подумал: вот ведь, оставил мне рукописи, а вдруг с ними что случится? Ну, я составил книжку. Вот её машинописный вариант».

Теодор Михайлович показывает скоросшиватель «ДЕЛО №» с рукописной надписью «Булат Окуджава. Для ксерокопирования». «Мы тогда много копий сделали, – говорит Теодор Михайлович. – Булат называл это «ТЕДИздат». Потом он добавил туда несколько старых стихотворений, так что типографское издание немного отличается».

«Да, – говорю я, – первое стихотворение другое, а вот последнее то же самое». «А я как-то никогда не сравнивал, – говорит Теодор Михайлович и начинает сравнивать два издания: ТЕДИздат и «Советский писатель».

Мы ещё о многом говорили, то есть говорил в основном Теодор Михайлович: ему было что рассказать. Теодор Михайлович Тер-Микаэлян участник и инвалид великой отечественной войны. Только он в ней не участвовал. Почему? Да потому, что был призван в армию в 17 лет и участвовал ещё в финской войне, был ранен в марте 40-го года.

«Меня подстрелила «кукушка», – говорит Теодор Михайлович, – это такие снайперы были, они на деревьях сидели и оттуда стреляли. Мне повезло. Потому что разрывная пуля попала не сразу в ногу, а сначала в коробку противогаза и там уже взорвалась. Но всё равно ногу-то сильно ранило. Меня спасли два юных санитаря, положили на санки и потащили к своим под миномётным огнём. Хотел бы я знать, что с ними стало, встретиться, да только сейчас уж их, наверное, и в живых-то нет».

Свой второй день рождения Теодор Михайлович отмечает 11 марта. Это нам Арут сказал.

9.

На следующий день мы с Арутом уговариваем Теодора Михайловича поехать с нами в Эчмиадзин: «Это же всего 30 километров от Еревана, на машине совсем быстро». «Нет, не поеду, – говорит Теодор Михайлович, – я там уже был десятки раз. Только устану в дороге». «Ага, – возражаю я, – а как с нами десять километров по ущелью гулять, да ещё с рюкзаком, это вы не уставали?». «Так это ж другое дело, – отвечает Теодор Михайлович, – там совсем другая усталость, приятная. Не то что в машине сидеть». Поехали мы одни.

Видели кафедральный собор, даже попали на выход католикоса: мимо нас прошёл. В армянских церквях очень демократично, и никаких особых запретов нет: ну, там голые плечи, шорты, брюки на женщинах и платки. «Это только туристы стараются как-то по-особому одеться, – говорит Арут, – а у нас считается, что если человек зашёл в церковь, то и хорошо, зачем ему какие-то препятствия чинить».

Там ещё три церкви есть, названные по именам трёх из 37 первых христианок: Рипсима, Гаянэ и Шокагат. Они были убиты царём Трдатом III, когда одна из них, Рипсима, отказалась выйти за него замуж, заявив, что принадлежит только Христу. Этот царь потом от угрызений совести сошёл с ума, потом ему было видение, что исцелит его Григорий Просветитель, которого этот царь посадил в каменный колодец. Ну, а дальше известно: Григорий Просветитель был освобождён из заключения, излечил царя и царь в 301 году провозгласил христианство официальной религией Армении.

В церкви Гаяне мы слушали хор девушек, а потом отдыхали в саду, глядя как они то выбегают из церкви в перерывах, то опять забегают, когда снова нужно петь.

Международный аэропорт Еревана называется Звартноц – по названию храма, расположенному между Ереваном и Эчмиадзином. Название Звартноц переводится как храм Бдящих Сил или храм Небесных Ангелов. Он построен в 652 году при католикосе Нерсесе на месте встречи царя Трдата с освобождённым из пятнадцатилетнего плена Григорием Просветителем. В 930-ом году разрушен во время сильнейшего землетрясения.

Архитектор Тороманян, руководивший раскопками на месте храма, реконструировал его конструкцию: это было трёхэтажное здание, необычное для Армении. Сначала Тороманяну не очень-то поверили, но потом при раскопках в древней столице Ани была обнаружена двухметровая статуя

царя Гагика, который держал в руках макет храма в точности совпадавший в реконструкцией Тороманяна. Ани – это древняя столица Армении, известная как город 1001 церкви. Сейчас руины города находятся в Турции.

Восстановленные колонны первого яруса, увенчанные капителями, действительно, вызывают ассоциации с чем-то небесным и парящим.

Мысленно представляю себе все три яруса, и понимаю, на что это похоже: на Арарат, также парящий над Арменией. А тут ещё появляется квартет певцов из Ереванской оперы, которые поют а капелла сначала традиционные армянские песни, а потом уже самые разные вплоть до русской «калинки».

Обедаем мы опять в ресторане, в беседке среди деревьев на том самом холме, на котором расположен мемориал геноцида армян. Из соседней беседки доносится незнакомая речь. «Это иранцы, – говорит Арут. – У нас с Ираном хорошие отношения, не то что с Турцией или Азербайджаном. Я там был один раз, но больше не поеду, пока в названии этой республики будет слово «исламская». А иранцы приезжают сюда не только по делам, но и чтобы отдохнуть от тамошних ограничений. Отрываются». И после паузы: «А сейчас они по армянски говорят, наверное, иранские армяне».

До вечера ещё далеко, и Арут предлагает нам съездить в Гегард, который расположен чуть дальше Гохта, от которого мы с Теодором Михайловичем начинали своё путешествие по Гарнийскому ущелью.

Гегард – сокращение от Гегардаванк, дословно «Монастырь копья», от копья Лонгина, которым пронзили тело Иисуса Христа на Кресте, и, как утверждается, привезённого в Армению апостолом Фаддеем в числе многих других реликвий. Сейчас копьё выставлено в музее Эчмиадзина. Другое старое название монастыря – Айриванк, что значит «пещерный монастырь». Это потому, что часть храмов монастырского комплекса полностью выдолблены внутри скал. Удивительно красивое место: скалы, деревья, горная река с водопадом. Среди туристов замечаем девушек в платках. «Это иранцы, – говорит Арут. – И чего им тут нужно, они же мусульмане. Наверное, им тут тоже нравится».

На обратном пути покупаем яблоки в Гарни. «Гарнийские яблоки славятся, – говорит Арут, – сейчас, конечно, они уже не те, а вот в январе сочные». Но нам и сейчас эти яблоки показались очень вкусными. Потом Арут пытается найти музыку по радио, но там сплошная попса, и тогда он вставляет флешку. Звучит 20-ый концерт Моцарта. Мы узнаём, что у Арутюна музыкальное

образование, но в трудные перестроечные годы работы не было и ему пришлось стать таксистом.

10.

Утром в день отъезда идём на рынок. Мы покупаем в Москву чурчхеллу, сыр Лори, лаваш и тархун, а Теодор Михайлович выбирает рыбу. У него намечаются гости: придут коллеги с кафедры двигать мебель в комнате – предстоит замена двери на балкон.

Кафедра Ереванского университета, Теодор Михайлович был её заведующим, а ещё работал в ереванском НИИ математических машин в шестидесятые – семидесятые годы. Он специалист в области вычислительной техники и машинного перевода. Автор первой книги на русском языке по решению задач на автоматических цифровых вычислительных машинах, 1958 года издания.

И вот прощальный снимок с Теодором Михайловичем в ереванском аэропорту.

Мы летим в Москву. Хаос впечатлений ещё долго будет кружиться в памяти, постепенно складываясь в окончательный рисунок. Но уже сейчас в нём прослеживаются две переплетающиеся линии: Теодор Михайлович и Армения. И я даже не знаю, что поставить на первое место, а что на второе. Для меня они переплелись в единый орнамент хачкара, который называется ТЕДАрмения.

17-18 мая 2013

Коррекция 24 июня и 11 декабря 2013

Хронометраж голоса

1.	243	243
2.	104	104
3.	241	241
4.	40	0
5.	265	0
6.	232	0
7.	304	0
8.	281	0
9.	348	0
10.	94	0
	2152	588

35 минут 52 сек $\approx$ 36 минут

Хронометраж фильма

1	5
23	6,5
45	6
6	5
7	6
8	5,5
9	6
10	2,5
	42,5